

В самом конце улицы людей почти не было. Кроме Лю Муханя и торговца, здесь ютилось всего несколько лавок. Когда громила пошел в атаку, тамошние лоточники, не теряя времени, прихватили свои тележки и дали стрекача — видать, опыт спасения от чужих разборок у них скопился недюжинный. Теперь в этом тупике остались только трое.

Торговцу без труда удалось скрутить детину верёвкой. Прижав его коленом к земле и надёжно зафиксировав, он наконец перевёл дух и поднял взгляд на Лю Муханя:

— Слышь, парень, это ты у него тесак из рук выбил?

Связанный здоровяк яростно задёргался на коленях, силясь порвать путы. Да только лоточник вязал узлы со знанием дела: стоило пленнику шевельнуться, как петли затягивались ещё туже, заставляя его исходить глухим стоном.

Лю Муханю стало не по себе от этого зрелища. Поколебавшись, он негромко произнёс:

— Да я просто... силой не обделен. Увидел, как он заносит тесак, ну и швырнул в него батат, который в руке держал. Случайно в запястье попал.

Торговец так и покатился со смеху:

— Ха-ха-ха! Надо же, «случайно»! Ну и скромник! Что ж, парень, долг платежом красен. Если бы не ты, не сносить мне головы. Раз уж ты спас мне жизнь, проси чего хочешь. Любое твоё желание исполню. Что тебе надобно?

Лю Мухань перевёл взгляд с него на лежащего громилу и указал на того пальцем:

— Хочу знать, как ты ему так насолил? С чего он взъелся на тебя с такой лютой злобой, что прямо на месте резать пытался?

— И всё? Только это? — опешил торговец. — Ты хоть понимаешь, парень, чего стоит моё слово? Да ты бы мог золота у меня попросить или серебра! Уверен, что не хочешь денег?

Окажись на месте Муханя любой мало-мальски опытный бродяга из Цзянху, он бы мигом почуял неладное и насторожился. Но юноша был далёк от тонкостей боевого мира. Он понятия не имел, с кем его свела судьба, и простодушно любопытствовал, силясь разгадать причину столь яростной схватки.

— Нет, расскажи об этом, — твёрдо кивнул Лю Мухань.

— А ты с характером, малец, — усмехнулся торговец. — Ну ладно. Раз уж так приспичило, пусть этот боров сам тебе всё выложит.

С этими словами он бесцеремонно выдернул из пасти здоровяка недоеденный кусок батата, служивший кляпом.

— Слыхал, что парень просит? Давай-ка, поведай ему, за что ты на меня зуб точишь. Расскажешь складно — так и быть, развяжу тебя и отпущу на все четыре стороны. По рукам?

— Тьфу на тебя, мразь паскудная! — смачно сплюнул детина грязную слюну вперемешку с землёй. — Ишь чего удумал, Белолицый ученый! Ты же гнида первостатейная, клейма на тебе ставить негде! Любой честный муж в Цзянху сочтёт за честь придушить тебя, как собаку!

Белолицый ученый, ничуть не обиравшись, лишь залился беззаботным смехом. Он шутливо ткнул пальцем в сторону пленника, обращаясь к Лю Муханю:

— Вот погляди на этих мужланов неотёсанных. Вечно у них одно и то же. Силёнок одолеть не хватает, умом тоже не блещут, так они давай лаяться да помоями исходить. Думают меня задеть, а сами в собственной жёлчи тонут. Тьфу, срамота!

Здоровяк побагровел от ярости:

— Рот закрой, паршивец! Сам ты погань, и весь твой род такой же! Заруби себе на носу, Белолицый ученый: поймаю тебя в следующий раз — шкуру живьём спущу!

— Да ладно тебе, будто я тебе шанса не давал, — отмахнулся Белолицый ученый. — Ну вот, малец, уговор я выполнил: кляп вытащил, говорить его заставил. А что этот дуболом упрямится и в толк ничего сказать не может — тут уж моя власть кончается. С такими олухами всегда наплачешься.

Лю Мухань переводил растерянный взгляд с одного на другого. Немного помявшись, он робко пробормотал:

— Драками да убийствами ведь ничего не решишь... Неужто нельзя сесть рядышком да потолковать по-человечески?

— Золотые слова! — подхватил книжник. — Я и сам, признаться, человек на редкость миролюбивый, всегда за правду и разум топлю. Да только в нашем Цзянху дураков несечных пруд пруди, никто доброго слова не понимает.

Он небрежно ткнул пальцем в точку на спине громилы, заставляя того мгновенно замереть.

— Если дело не в кровной мести за отца и не в уведённой жене, то любые тёрки можно миром уладить.

Онемев от запечатанной акупунктурной точки, детина застыл каменным изваянием. Его тёмная кожа налилась багровым отливом, отчего лицо стало казаться ещё чернее. Лю Мухань в замешательстве теребил штанину.

Заметив его колебания, Белолицый ученый прищурился:

— Что, малец, заступиться за него решил?

Лю Мухань качнул головой сначала отрицательно, потом утвердительно. Вскинув глаза на собеседника, он серьёзно произнёс:

— Если он злодей какой, то поделом ему, пусть несёт кару.

— Стало быть, опасаясь, не лиходея ли я сам? — хмыкнул книжник и размашисто похлопал здоровяка по плечу. — Эх ты, детина! Поучился бы у малого уму-разуму. Подумаешь, великая беда — я всего-то открыл тебе глаза на то, что твоя бабёнка под других мужиков ложится! Как говорится, раньше узнаешь — чище будешь. Я ж тебе добра желал, а ты сразу за саблю хвататься! Стоило оно того?

Когда позорную тайну вытащили на всеобщее обозрение, несчастный рогоносец чуть не лопнул от стыда и злости. Его лицо потемнело пуще грозовой тучи. Сжалившись, Белолицый ученый ткнул пальцем в нужную точку, возвращая пленнику свободу движений:

— Ну и ну, приятель. Совсем ты себя не бережёшь. Ты ведь ко мне не убивать пришёл, а собственной смерти искал, верно? В поднебесной каждый знает: Белолицый ученый рук кровью не марают. А ты, выходит, решил меня грехом на душу соблазнить?

Нападая, верзила и впрямь дрался как сумасшедший. Частично из-за слепой обиды, но по большей части — книжник зрил в корень — от нежелания жить дальше с таким клеймом. Поняв, что его тайные помыслы разгаданы, бедолага готов был сквозь землю провалиться. Он дёрнулся было прочь, но путы сидели намертво — не сбежать.

— Надо же, с виду гора горой, а в груди — нежное, ранимое сердце, — покачал головой Белолицый ученый. Он ухватил Лю Муханя за плечо и притянул поближе: — Ну, малец, ты всё слышал. Скажи на милость, как бы ты поступил, окажись на его месте?

— Честно говоря... я мало что понял, — смущённо улыбнулся Лю Мухань.

— Да брось ты! Кроме нас троих, тут ни души. Парень вообще не в зуб ногой, а ты покраснелся, как девица на выданье. Здоровый же детина, а стыдлив, будто мимоза стыдливая! — ядовито усмехнулся книжник, не упуская случая уколоть побольнее. — Тело вон какое вымахало, а душонка — как у кисейной барышни. Немудрено, что баба твоя к другому сбежала!

Лю Мухань так и обмёр: лицо громилы на глазах наливалось багровой яростью. Даже не до конца понимая суть их разборки, юноша уловил, что Белолицый ученый перешёл все границы приличия, безжалостно сыпая соль на свежую рану. Ну вылитый шут, право слово, нарочно ведь по самому больному бьёт!

Впрочем, стало ясно главное: непримиримой вражды до гробовой доски между ними не было. От этой мысли Лю Мухань облегчённо перевёл дух.

Если судить по грубой силе, сойдись они один на один — лоточнику бы несдобровать. Но в изворотливости и прыти Белолицый ученый превосходил соперника на голову. К тому же детина теперь лежал стреноженный: чем сильнее он брыкался, тем свирепее врезались в кожу верёвочные кольца, лишая малейшей надежды на спасение.

Обида великана, начавшая было утихать под натиском горькой правды, вспыхнула с новой силой после грязной подначки. Судя по его бешеному сопению, остынет он нескоро. Так они и стояли втроём посреди затихшего тупика. Редкие прохожие, завидев издали колоритную тройцу, испуганно сворачивали в переулки — дураков лезть в чужие дразги в этих краях не водилось. Конец улицы погрузился в глухую, напряжённую тишину.

Лю Мухань потоптался на месте, понимая, что его уговоры делу не помогут. Разрулить их спор он не мог, да и не умел. Немного подумав, он махнул на них рукой, вернулся к своей тележке, достал из-под настила несколько плоских, обточенных камней и на скорую руку сложил из них очаг прямо на земляном коме. Под камни он натолкал сухой соломы и хвороста.

Чиркнув огнём, он развёл весёлый костерок, после чего выудил из тележки пригоршню картофеля и одну за другой зарыл их в тлеющие угли.

Последние два года выдались урожайными, картофелины в деревне уродились на славу — клубни крупные, сочные, вдвое больше прежних, да и стоили сущие гроши. Лю Мухань тогда не поспешил и скупил у крестьян изрядные запасы. Кое-что он оставил на тележке для виду, а львиную долю припрятал в своём пространственном хранилище.

Особых чудес это загадочное пространственное хранилище творить не умело, зато как бездонный склад служило безупречно. Поначалу Мухань пытался вырастить там хоть что-нибудь, но в бесплодной пустоте не прижилась даже сорная трава. Погрустив немного, он смирился: грех жаловаться на судьбу, когда тебе и так дарован столь щедрый удел. Требовать чего-то большего было бы верхом неблагодарности.

Ещё в детстве, живя в Малом загородном поместье, он втайне от всех делал припасы на чёрный день, но стоило ему повстречать Странного старика, как нужда в этих скромных заначках отпала сама собой.

А вот два года назад, когда дедушка Гу покинул его, Мухань снова принялся за старое. Оставленное наставником золото он целиком спустил на провизию, выменивая у деревенских всё, что подольше хранится. Теперь его пространственное хранилище ломилось от

всевозможной снеди — голодная смерть юноше точно не грозила.

Одно плохо: мясо в этих краях ценилось на вес золота. Сами крестьяне лакомились им разве что по большим праздникам, а излишки вялили да коптили на зиму. Муханю удалось выменять лишь пару скромных кусков солонины. Хотя жил он куда сытнее любого соседа, юношеская утроба то и дело требовала чего-нибудь свежего и сочного.

Собственно, потому он сегодня и притащил свою колымагу на рынок. Мечтал выручить за товар пригоршню медных монет да купить у уличного зазывалы горячих мясных баоцзы. Но вместо сытного обеда судьба подкинула ему встречу с Белолицым ученым, на которого к тому же прямо у него на глазах совершил налёт этот разъярённый мститель.

Пар от мясных баоцзы так и остался в его несбыточных фантазиях. Денег в карманах не шуршало, так что пришлось довольствоваться тем, что лежало под рукой.

Картофелины пеклись куда быстрее увесистых клубней батата. Вскоре по заброшенному переулку поплыл густой, умопомрачительный аромат печёной кожуры.

Потянув носом воздух, Белолицый ученый алчно зажмурился. Он нетерпеливо пошарил в просторном рукаве, выудил две засаленные медные монетки и ловким щелчком отправил их на тележку Лю Муханя.

— Эй, малец! Глянь-ка, на пару медных сколько твоих картофелин выйдет? Спеки и мне парочку, утроба так и поёт!

— Да брось ты, картофелины копейки стоят, ешь сколько влезет, — добродушно отмахнулся Лю Мухань.

Он отгрёб угли деревянной палочкой, выкатил две закопчённые картофелины и, обернув их широким лопухом, протянул книжнику:

— Вот эти уже дошли. Осторожнее, горячие, не обожгись.

— Уж я поберегусь, — довольно ухмыльнулся тот.

Он ловко подцепил ногтем обугленную кожицу, сдул серый пепел и с хрустом вонзил зубы в рассыпчатую мякоть. На его лице отразилось чистейшее блаженство:

— М-м-м, объедение! А ты мастак, парень, не думал, что обычная картофелина может быть такой вкусной.

Связанный детина шумно сглотнул набежавшую слюну. Урчание в его собственном желудке

заглушило всякую гордость. Не выдержав пытки ароматом, он прохрипел:

— Слышь, малец... У меня за пазухой тоже серебришко найдётся, залезь да возьми, сколько надо. Спеки и мне парочку, а? А ты, писаришка облезлый, совести совсем не имеешь! Сам в обе щеки уплетаешь, а порядочного человека слюной исходить заставляешь!

— А хотя бы и так, что с того? — язвительно фыркнул Белолицый ученый. — Кто на меня с саблей бросался, а? Я тебя поймал, связал, и что — теперь должен перед тобой расстилаться да деликатесами потчевать? Скажи спасибо, что не пришиб. И вообще, с твоей-то жёнущкой...

— Дяденька, когда ешь, лучше помалкивать, — мягко прервал его Лю Мухань.

Он подошёл к громиле, присел перед ним на корточки и бережно очистил свежеиспечённую картофелину от золы. Обдув её, юноша аккуратно поднёс угощение к самым губам пленника:

— Осторожно, она ещё пышет жаром. Кусай потихоньку.

— Ну и чудной же ты, малец, — покачал головой Белолицый ученый, проглатывая последний кусок. — Из какого теста ты слеплен? Неужто после всего, что на твою долю в детстве выпало, в тебе ни капли злобы не осталось? Нешто не держишь обиды на тех, кто тебя колотил да грязью поливал?

— Не держу, — просто ответил Лю Мухань, мотнув головой. — Чего ради мне злиться? От злости ведь только самому тошно становится. А те, кто меня обижал, от моих слёз да обид только порадуются. К чему мне их тешить?

Белолицый ученый торжествующе глянул на детину:

— Слыхал? Даже малому ребёнку ума хватает это понять! А ты, детина стоеросовая, всё никак не размыслишь!

Лю Мухань лишь вздохнул с тихой укоризной:

— Дяденька, ну хватит тебе его изводить.

— Во-во! Слышал? — обрадовался громиле, умяв картофелину и из последних сил пытаясь уязвить врага. — Даже парень говорит, что язык у тебя поганный!

Одержав эту маленькую словесную победу, он заметно повеселел, и остатки его угрюмой злости окончательно улетучились вместе с костровым дымом.

<http://bllate.org/book/18166/1749438>